

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ОКТАВА

К ИСКОННОЙ ЧИСТОТЕ ЗВУКА

В Перми завершился очередной Дягилевский фестиваль

Юлия Баталина

Дягилевский фестиваль 2014 года искал подлинное, исконное, чистое; он изо всех сил стремился найти первородный музыкальный звук... Правда, разные артисты делали это разными способами.

Для художественного руководителя Дягилевского фестиваля Теодора Курентзиса в том, что касается красоты и чистоты музыкального звука, компромиссов нет и быть не может, в этом вопросе он тиран и перфекционист. Эту его религию должны разделять и участники, и зрители фестиваля, а если кому что не по нраву, Курентзис ни за что не будет подыгрывать, не пойдёт на поводу у посторонних вкусов и взглядов: не нравится — не кушай.

Бескомпромиссная позиция по определению провоцирует собеседников на крайности: публика фестиваля в нынешнем году разделилась на непримиримые группировки — восторженные поклонники против глухо негодующих скептиков. Представленный на фестивале сценический материал активно подогревал это противостояние: авангардные, провокационные эксперименты вроде «Носферату» Дмитрия Курляндского или оперно-балетного спектакля Королевского театра Мадрида C(h)oers вызывали активные полярные высказывания — от яростного негодования до бесконечного восторга. И во всём этом чувствовался отчаянный поиск совершенного музыкального звука, яростная

борьба за него, стремление докопаться, достучаться...

В «Носферату» композитор Дмитрий Курляндский низводит звук до его первобытного состояния: на сцене речь рождается из хрипов и шёпота, а в оркестре музыка в муках появляется на свет из визжания дрелей и скрипа пенопласта.

Минималист Антон Батагов, пианист и композитор, играет Шуберта, Бетховена и Чайковского безэмоционально, размеренно, будто призывает отвлечься от артистизма исполнения и прочей несущественной ерунды и полностью отдаться восприятию «голой» музыки. Каждый звук он подаёт как отдельную ценность; так в клиниках для похудения учат воспринимать пищу: дают тебе одну морковку на целый день и учат откусывать маленькими кусочками, каждый с удовольствием обсасывая и проникаясь восхитительным морковным вкусом...

Швейцарская скрипачка Патриция Копачинская, напротив, — сплошные эмоции: каждый акцент подчеркнут, пиано превращается в пианиссимо, а форте — в фортиссимо, скрипачка играет всем телом, гнётся, пританцовывает босыми ногами. И всё это для того же — донести смысл музыкального произведе-

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУШИН

Теодор Курентзис «рулит» Фестивальным оркестром и всем фестивалем

дения, а может, и внести новый... В дуэте с пианистом Олли Мустоненом она исполнила «Крейцерову сонату» так, что Бетховен, может, и не ворочался в гробу, но в публике звучало: «Это не Бетховен!»

Что ни у кого не вызвало сомнений и протестов — так это выступление ансамбля медных духовых German Brass. Бах и Вагнер, равно как и музыка из «Пиратов Карибского моря», — всё звучало блестяще во всех отношениях. Даже конференс, который в большинстве концертов фестиваля был слабейшим местом, у весёлых немцев был содер-

жателен, артистичен и забавен, что добавляло шарма их выступлению. Тем обиднее было публике, не дожидаясь окончания концерта, сниматься с мест и бежать из Органного зала в Театр оперы и балета: в тот же день с разницей всего в два часа здесь шёл C(h)oers.

C(h)oers — это, конечно, совершенно особое событие, особые впечатления, которые можно описывать и анализировать очень долго. Но есть одно главное: это невероятное музыкальное качество. Пусть это балет (точнее, contemporary dance), но главное в нём — хор!

Фестиваль открылся балетным вечером «Век танца: Стравинский — Баланчин»

ФОТО ПАВЕЛ СЕМЯННИКОВ